
Ольга
САХАЛИНСКАЯ
Касаться
НЕЛЬЗЯ
18+

Ольга Сахалинская

Касаться нельзя

«Автор»
2026

Сахалинская О.

Касаться нельзя / О. Сахалинская — «Автор», 2026

Вторая часть дилогии. Можно читать отдельно! #Меня бросил любимый из-за беременной бывшей. Бросил, не сказав ни слова. Я помню лишь как он садился в свою машину и умчался прочь из моей жизни. Поставил точку.Но судьба нас сводит через пять лет. Его маленькая дочка посещает центр развития, где я работаю репетитором. И как бы я не хотела избежать встречи с её отцом, этому не суждено было случиться.Обязательно ставьте звездочку и добавляйте историю в библиотеку От автора: Когда-то я была счастлива с Арсением Загорским, но, как оказалось, мне это всё только показалось. Потому что он с лёгкостью отказался от меня, выбрав беременную бывшую. Прошло пять лет, и этот человек появляется снова в моей жизни. С болью для себя я понимаю, что ничего не остыло у меня. Ощущение дежавю не покидает меня. Он женат. Всё бы ничего, я бы справилась и на этот раз, но мой молодой человек именно в этот момент делает мне предложение...

© Сахалинская О., 2026
© Автор, 2026

Ольга Сахалинская
Касаться нельзя

Глава 1. Арсений

— Привет, я дома! — кричу, бросая ключи на комод.

Они звякают о деревянную поверхность на весь холл на первом этаже.

Снимаю туфли, ставлю их рядом с аккуратными женскими мокасинами и яркими маленькими кедами и прислушиваюсь. Вокруг тишина. Полная гнетущая тишина, которая в нашем доме всегда настораживает. Где-то должна звучать суета: жена в кухне, Ева с бесконечными вопросами или хотя бы телевизор, показывающий мультики. А здесь — ничего. Только тиканье часов в гостиной.

Прохожу по коридору, заглядываю в кухню. Сердце ёкает. Воздух застывает в лёгких.

Ева, наша четырехлетняя дочь, сидит на полу посреди белого месива — мука рассыпана по всему полу. Дочка вся в ней: волосы, щёчки, даже ресницы. В маленьких сжатых пальчиках она вертит длинный, опасно блестящий нож для разделки мяса, водит им по муке, внимательно изучая отражение своего личика в полированной стали, рисует какие-то узоры, бормоча под нос:

— Где же ты, фея?

— Ева! — вырывается у меня, пока я в два шага пересекаю кухню, забираю нож из ее рук и с грохотом швыряю его в раковину подальше от глаз. — Что ты делаешь?! Где мама?

Дочь поднимает на меня глазёнки, полные детского удивления, смотрит снизу вверх. В её взгляде мелькает досада из-за прерванного важного занятия.

Вытираю руки о брюки, сжимаю от раздражения кулаки, ощущая, как сводит зубы, и иду дальше по квартире. Бесцеремонно толкаю дверь.

В нос ударяет запах сандала и лаванды — знакомый, как старая привычка. Из колонок льётся едва уловимый навязчивый звук —переливчатые напевы тибетских чаш, шёпот ветра, который всегда хочется выключить.

В полумраке комнаты мерцают свечи: десяток штук, расставленных на ковре идеальным кругом. Жена сидит в центре в позе лотоса. Она в своём любимом тантрическом наряде — свободный шарф на голове, бусы из деревянных бусин, и под носом… подожди, это ладан?

— Оксана! — рявкаю.

Но она даже не шелохнётся, только веки чуть дрогнули. Я с размахом щёлкаю выключателем. Свет лампы хлещет по комнате, музыка продолжает бормотать. Нахожу колонку, выдергиваю шнур из розетки.

— Оксана, проснись! Ты что, оглохла?

Она открывает глаза медленно, как будто выныривая из глубины. А потом вспыхивает.

— Ты идиот! Ты вообще понимаешь, что сделал? Я в трансе была! Ты прервал канал — священный канал связи с внутренним я! Эти йоги говорят, что такое нарушение может заблокировать чакры на недели! Ты обнаглел, Арсений? Я же просила не мешать, когда я медитирую!

Я смотрю на неё, и раздражение накатывает с головой. Не любовь, не ненависть — какая-то густая удушающая смесь злости, усталости и полного непонимания. Йога всегда была, но потом присоединились курсы тантры онлайн, теперь эта чушь про чакры и каналы.

Наши разговоры давно свелись к быту: счета, Ева, моя работа. Никакой искры, никакой близости. Только эта… рутина с духовными поисками, которые она навязывает всем вокруг.

— Ты серьёзно? — рычу я. — Да ты хоть знаешь, чем занимается наша дочь? Ева на кухне одна, вся в муке, и в руках у неё нож! А если бы она порезалась? А если беда какая? Ты мать или кто?

Оксана фыркает, поднимаясь с ковра грациозно, как кошка.

— И что? Она наигралась, и всё. Дети — это энергия, Арсений. Я доверила ей пространство для творчества. А ты вечно всё драматизируешь. Иди работай свои проекты, а меня не трогай. Мне тоже нужно наконец заняться собой, а не бегать за ней хвостом двадцать четыре часа в сутки.

Я не отвечаю. Просто снимаю пиджак, бросаю его на стул, потом развязываю галстук, который душил меня весь день на совещании с важным, но скучным клиентом. Узел поддаётся с облегчением, и я швыряю его на диван дрожащими от злости руками.

Во что превратилась моя жизнь?

Возвращаюсь в кухню, закатывая рукава рубашки. Ева всё ещё сидит на полу, ковыряя муку пальчиком. Увидев меня, она начинает хныкать:

— Папочка! Папочка, не ругайся! Я ничё не сделала. Я просто…хотела посмотреть. Вдруг в муке живёт муравьиная принцесса. Знаешь, такая крошечная, с короной из сахарной пудры?

Я не сдерживаю улыбку. Эта девчушка — единственное, что держит меня здесь.

Опускаюсь перед ней на корточки, не обращая внимания на дорогие брюки, и беру её в охапку.

— Иди ко мне, моя хорошая. Пойдём умоемся.

Я подхватываю её на руки, и мука тут же осыпается на мою рубашку, как снег. Ева хихикает, обнимая меня за шею и пачкая.

— Папочка не ругается, солнышко. Просто… давай больше не будем с ножиками играть, ладно? Муравьиные принцессы прячутся в другом месте.

— А ты покажешь где? — с надеждой спрашивает дочка.

— Ну конечно покажу, — целую в пухлую щёчку и чувствую вкус муки.

Несу дочку в ванную. Ева болтает ножками, рассказывая про свою принцессу. Я включаю воду, ставлю дочь в ванну. Смываю муку, намыливаю ароматным гелем для душа под детское щебетание.

— …няня в парке говорила… и исполняет желания, если её найти. Я хотела её найти и попросить…

— Попросить что, зайка? — спрашиваю, выключая воду, кутаю в большое полотенце с капюшоном, беру на руки и сажаю дочь на край раковины.

— Чтобы ты меньше уставал. И чтобы вы с мамой не ругались…

Замираю на мгновение, глядя в своё отражение в зеркале.

Двадцатисемилетний мужчина, успешный совладелец фирмы «Арс&Дан», которая покоряет рынок дизайнерского ремонта и элитной отделки. У меня есть дом, жена, дочь. И оглушающая тишина там, где должно биться сердце.

Сколько ещё я смогу так жить? Брак, который давно стал просто привычкой. Оксана в своём мире, я в своём. И Ева посередине, как хрупкий мостик. Но мосты, я знаю, иногда рушатся.

Глава 2. Варя

Лето в этом году выдалось особенно жарким. Только ближе к вечеру можно спокойно находиться на улице. Лучи заходящего солнца пробиваются сквозь листву парка, рисуя на асфальте золотистые блики. Я иду, слегка запрокинув голову, вдыхая тёплый воздух, пахнущий скошенной травой и летом.

День был долгим. Мои подопечные «почемучки» выжали из меня все силы, но это приятная созидательная усталость. Ведь я знаю, что впереди ждёт вечер, который смоет ее, как волной.

У выхода из парка, прислонившись к своей старенькой «бэхе» — «бумеру» — стоит Артём, мой молодой человек. Увидев меня, его лицо озаряется улыбкой, от которой становится тепло даже в самый промозглый день. Он не выкрикивает приветствие, не машет руками, он просто смотрит. А я, ускорив шаг, почти подбегаю к нему и утыкаюсь лицом в грудь, в знакомую уютную ткань его футболки.

— Тяжёлый день у самого красивого детского наставника в мире? — спрашивает он, обнимая меня и целуя в макушку.

— Невозможный просто, — вздыхаю, жалуясь, но при этом улыбаюсь. — Сегодня Максимка решил, что он динозавр, и всё занятие рычал на Алину. Пришлось срочно превращаться в дрессировщика тираннозавров.

— И как, справилась, мой герой? Значит, сегодня тебе полагается повышенная доза мороженого, хорошего кино и полное освобождение от мытья посуды.

— Только мороженого, — поправляю я, пристёгиваясь. — Кино давай завтра. Сегодня я хочу просто побыть дома и почитать книгу.

Домой мы едем не сразу — сворачиваем к большому супермаркету на окраине. Эти наши совместные походы за продуктами я обожаю. Это не рутина. Это ритуал. Мы толкаем одну тележку, Артём катит её с комично-преувеличенной серьёзностью, а я, смеясь, висну у него на руке.

— Смотри, клубника по акции! Почти даром! — восклицаю я, хватая с полки пластиковый контейнер с алыми ягодами.

— Берём, — безропотно соглашается Артём, уже кладя в тележку мой любимый сливочный сыр и печенье с шоколадом, которое я всегда беру «на всякий случай».

— Артём, мы же на диете! — пытаюсь возмутиться, глядя на пачку.

— Какая диета? — делает он круглые невинные глаза. — Это стратегический запас для борьбы с плохим настроением. Между прочим, одобрено тобой.

Мне очень хочется узнать, дали ли ему ту премию, которую обещали, но не спрашиваю — он слишком остро на это реагирует. Дело не в деньгах— их у нас достаточно. Просто Артём грезит о том, чтобы уйти с «работы на дядю». Только он заблуждается, думая, что успех и богатство придут мгновенно…

Спорим о сортах пасты, выбираем самый ароматный багет. Вдыхая его запах, ловлю на себе взгляд Артёма — настолько тёплый и спокойно-влюблённый, что внутри сразу становится тихо. Вот оно — счастье. Простое и тёплое, как его рука на моей талии по дороге к кассе.

В квартире пахнет свежестью — ароматизатор в диффузоре с запахом морского бриза.

Прошло уже полгода, как я переехала к Артёму. Его когда-то «девственно чистый» от всяких женских штучек холостяцкий дом теперь преобразился: на полочке в ванной стоят мои баночки, на холодильнике висят магниты из разных стран, а на диване лежит плед, который я связала прошлой зимой.

Пока Артём разгружает пакеты в кухне, я босиком иду в спальню, чтобы переодеться в удобные домашние шорты и свободную растянутую в плечах футболку.

Перед тем как выйти, на секунду задерживаюсь у зеркала и поправляя растрепанные волосы. Взгляд скользит по поверхности комода. На нём, как обычно, царит творческий беспорядок: мои заколки-невидимки, мужские часы — реплика швейцарского бренда, смешная фоторамка в виде кота, подаренная подругой Гелей.

И тут мой взгляд падает на приоткрытый верхний ящик комода. Немного, но как я могу пройти мимо и не закрыть? Никак. Краем глаза цепляюсь за что-то цветное. Маленькая бархатная коробочка мятного цвета. Моего любимого цвета. Она лежит на стопке аккуратно свёрнутых носков, будто брошенная впопыхах, будто её пытались спрятать, но не успели или забыли.

Моё сердце пропускает удар, после начинает биться с такой силой, что слышно даже в ушах. Я замираю. Рука сама тянется к коробочке. Беру её в руки. Она лёгкая и невероятно

тяжёлая одновременно. Сердце бьётся часто-часто, трепещет. Коробочку я не открываю. Мне и не нужно. Форма, материал, сама аура тайны, исходящая от этого маленького предмета, кричат об одном.

Артём купил кольцо. Для меня.

Мысль проносится, ослепительная и оглушительная. Воздух перестаёт поступать в лёгкие. Я стою, прижимая бархатный футляр к груди, и слушаю, как Артём напевает какую-то мелодию, звякает посудой. Обычные мирные звуки нашего вечера.

Осторожно, будто боясь разбудить спящую мечту, я кладу коробочку точно на то же место. Щёки горят, в животе танцуют бабочки — они хоть и ликующие, но вместе с тем тревожные.

Я ему не признаюсь о своей находке. Дам ему шанс выполнить задуманное. Выхожу из комнаты, стараясь дышать ровно.

— Варь, ужин почти готов! — доносится голос Артёма.

— Иду! — чересчур звонко отзываюсь.

Прохожу мимо зеркала в прихожей, ещё раз бросаю взгляд на себя: глаза сияют, губы сами растягиваются в улыбку, которую невозможно сдержать. Всё в моём мире на своих местах.

— Да, — тихо выдыхаю я своему отражению, поправляя непослушную прядь волос. — Всё именно так.

Глава 3. Варя

Я лечу с горы на сноуборде, рассекая воздух, и ветер шумит в ушах, ощущение свободы пьянит.

— Варя, не тормози! — сквозь сон слышу мужской голос, такой знакомый…

Меня кто-то обгоняет, взметая облако снежной пыли. Когда она оседает, я вижу силуэт в оранжевой куртке. Этот кто-то оборачивается, съезжая по склону. Он в маске, но я откуда-то знаю, что это Арсений. Он смеётся, и его смех эхом разносится над склоном. Солнце слепит, искрится на миллионах снежинок, и я жмурюсь, но не могу отвести от Арса взгляда.

Он тот же…

— Догоняй! — бросает мне через плечо.

Я отталкиваюсь сильнее. До него остаются метры… сантиметры…Почти касаюсь рукой его куртки. Почти…

Мы останавливаемся у подножия. Здесь тихо, только немного гудит подъёмник. Арсений стягивает маску, и я вижу его глаза.

Он смотрит на меня так, как смотрел тогда. Так, как не смотрел никто и никогда, даже Артём.

— Ты скучала? — спрашивает Арсений просто.

Я открываю рот, чтобы ответить, но голос пропадает. Вместо ответа я тянусь к нему — и проваливаюсь. Снег осыпается,

склон уходит из-под ног, и Арс становится всё дальше и дальше. Я хочу закричать: «Постой! Не уходи!» — но крик застревает в горле.

Я просыпаюсь.

В комнате серо-розовый полумрак.

Артём спит рядом, ровно дышит, уткнувшись носом в подушку, его рука лежит на моём бедре.

Я смотрю в потолок.

Подобные сны приходят ко мне редко. Как призрак, которому плевать, что ты построил новую счастливую жизнь. Он приходит и садится на край кровати, смотрит со своей вечной полуулыбкой: «Ты скучала?»

— Нет, — шепчу я в тишину. — Я не скучала.

Осторожно, чтобы не разбудить Артёма, высвобождаюсь из его объятий. Он что-то бормочет во сне и переворачивается на другой бок. Я нащупываю ногами тапки и иду в кухню.

Пью воду большими глотками, смотрю, как за окном медленно светлеет небо. Ещё совсем рано, солнце только начинает золотить края крыш, но я больше не усну.

Тёма ещё не сделал мне предложение, но я уже точно знаю, что скажу «да». Я люблю его. Честно, глубоко, по-взрослому. Мы живём вместе, планируем будущее. С ним спокойно и надёжно. С ним я знаю, что будет завтра.

Но где-то в дальнем ящике, в который я запретила себе заглядывать, живёт вопрос:

что, если бы тогда всё сложилось иначе?

Это не тоска по Арсению. Это тоска по той версии себя, которая влюбилась не в того… Мне её немного жаль.

Я сижу в кухне, обхватив руками кружку, и смотрю, как просыпается город. Чай давно остыл.

Артём заходит и сонно спрашивает:

— Варь, ты чего так рано?

— Просто не спится, — отзываюсь. — Иди ко мне.

Он лохматый, тёплый ото сна, в одних боксерах. Подходит, обнимает со спины, утыкается носом в плечо.

— Приснилось что-то?

— Нет, — вру.

Артём целует меня в висок. Такой уютный и родной.

— Кофе будешь? — спрашивает он.

— Буду.

Скоро город полностью проснётся и закрутится новый день. После бодрящего кофе и душа я отправлюсь на любимую работу к своим детишкам и стану для них целым миром.

Я улыбнусь Артёму за завтраком. Я буду думать о платье и гостях, о том, какого цвета будут салфетки на нашей свадьбе.

Но где-то глубоко… так и останется вопрос без ответа: «А если бы?..»

Я теперь этого никогда не узнаю.

И это, наверное, правильно.

— Знаешь, — говорю, глядя, как Артём возится с кофемашиной, — мне сегодня приснился снег.

— В июле? — усмехается он. — Вот это экзотика!

— Ага, — улыбаюсь. — Наверное, я просто хочу зиму.

— Зима будет, — обещает Артём, ставя передо мной чашку. — Обязательно будет.

Я киваю.

Зима будет. Наша.

А тот снег останется там, где ему и место — в давно закончившемся марте и в моих редких, никому не нужных снах.

***

Из дома выхожу раньше обычного, чтобы дойти до центра пешком. На мне новое платье, купленное со скидкой в одном из бесконечных шопинг-марафонов с подругами. Геля знает всё о распродажах. Платье лёгкое, цвета топлёного молока, с широкими рукавами, которые шевелятся при каждом шаге, будто крылья.

Ветерок играет с моими распущенными волосами, собранными на затылке заколкой. Ловлю себя на том, что улыбаюсь прохожим.

Детский центр «Облака» встречает привычной кутерьмой. В холле носятся малыши, из столовой пахнет молочной кашей и свежими бубликами. Охранник Андрей Петрович, как всегда, на посту наблюдает за происходящим, заложив руки за спину.

— Варвара Евгеньевна, доброе утро! — рассыпается в улыбке администратор Лера. — Платье-то какое — загляденье!

— Спасибо, Валерия! — машу ей рукой, кружусь на каблуках, давая юбке раскрыться колоколом. — Лето же!

— Лето, — кивает Лера, провожая меня взглядом. — Ой, чуть не забыла! — кричит она мне в спину. — Вас же директор ждёт у себя.

Я чуть замедляю шаг. Странно… С порога такая новость редко к добру.

Светлана Алексеевна сидит за столом и просматривает бумаги. Её голос может быть и мягким, и стальным одновременно. Она поднимает глаза и улыбается мне:

— Варвара, присаживайся. Выпьешь чаю?

— Если этот чай по поводу выговора, то без сахара, пожалуйста, — нервно отшучиваюсь.

Светлана Алексеевна хмыкает.

— Да вроде не за что. А вот дополнительную нагрузку я бы хотела с тобой обсудить.

Я настораживаюсь.

— У нас Наташа из «Колокольчиков» уходит в декрет на две недели раньше. Врачи прописали постельный режим. — Директриса вздыхает, снимая очки. — А группа у неё — десять человек. Четырех-пятилетки.

— Вот как… — задумчиво произношу. — И не скажешь, что неожиданно. Рано или поздно она бы всё равно ушла.

— Вот, — говорит Светлана Алексеевна, складывая руки на столе. — Мы бы хотели, чтобы ты взяла ее группу. Да, у тебя уже есть твои «Огоньки». Да, это нагрузка. И я понимаю, что ты не железная. Но больше некому, Варь. А новых педагогов брать в середине лета — сама знаешь…

Слушаю молча, рисуя в голове картину: мои две группы по семь человек и десять «колокольчиков». Двадцать четыре ребёнка. Двадцать четыре пары глаз, историй, характеров.

— Хорошо, — соглашаюсь.

Светлана Алексеевна удивлённо приподнимает бровь. — Даже не будешь торговаться?

— А есть смысл? — усмехаюсь. — Вы же всё равно уговорите, а я только время потеряю. Давайте ваших «колокольчиков». Где две группы, там и три, что уж.

— Вот за это ты мне и нравишься, — довольно кивает Светлана Алексеевна. — Доплата, разумеется, будет. Наташа оставила все методички, планы до сентября. Первое занятие сегодня в три. Знакомство, адаптация —всё как ты любишь.

— Значит, успеваю подготовиться, — с лёгким выдохом говорю, поднимаясь со стула. — Чай уже не буду, спасибо. Пойду к своим.

Глава 4. Варя

Первая половина дня проходит быстро. Только что закончилось занятие по развитию речи и коммуникации. С улыбкой провожаю ребят, когда они по одному покидают комнату, по-детски коверкая «до свидания».

Всех детей уже забрали, и когда в холле наступает тишина, ко мне заглядывает Даша, наш логопед.

— Варь, ты идёшь обедать? Говорят, сегодня приличные бизнес-ланчи.

— Иду.

Достаю из шкафа сумку и на секунду замираю перед зеркалом. Улыбнувшись себе, выхожу в коридор, где Даша нетерпеливо переминается с ноги на ногу.

— Ты какая-то… — прищуривается она, окидывая меня взглядом. — Вся светишься. Будто тебе предложение руки и сердца сделали…

— Нет, — улыбаюсь. — Но сделают.

— Откуда знаешь?

— Знаю, — хитро улыбаюсь.

Лавируя между припаркованными машинами, пробираемся к пешеходному переходу, где как раз загорается зелёный. Июльское солнце печёт мою тёмную макушку, и я жалею, что не взяла соломенную шляпу.

Даша щебечет о своём — о ремонте, который она затеяла в одиночку и наотрез отказалась от помощи. Говорит, ей нравится это дело. Долго, но в кайф. Я киваю, глядя под ноги на плавящийся асфальт.

Наконец мы заходим в прохладу кафе и занимаем столик у окна, из которого виден фасад нашего центра.

— Тебе как обычно? — интересуется Даша, поглядывая на меня поверх меню.

— Да. И фирменный лимонад с маракуйей, — отзываюсь я.

Пока Даша делает заказ, смотрю на улицу. Вспоминаю, что обещала маме приехать на дачу на выходные. Наверное, поеду — как раз искупаюсь в местном озере. Самое то после такой жаркой недели.

Заказ приносят быстро. Так же быстро мы с ним справляемся под рассказ Даши о её приключении с подругой, когда они сели не в ту машину…

— У тебя сегодня ещё есть занятия? — спрашивает Даша.

— Есть, — киваю. — Ты же в курсе, что я группу «Колокольчики» взяла?

— Не-е-ет, — Даша откидывается на спинку стула. — Не боишься выгореть от нагрузки?

— Да ну брось, — отмахиваюсь. — Нагрузка будет распределена равномерно, да к тому же я люблю то, чем занимаюсь.

— Ты прям святая, — смеётся коллега.

— Есть немного, — парирую, и мы уже смеёмся вместе, выходя из кафе.

***

Когда мы с Дашей возвращаемся, в холле тихо. Бросаю взгляд на большие электронные часы: два часа пятьдесят три минуты.

Захожу в пустую группу, где занимаются «Колокольчики». Здесь всё непривычное: расстановка столов, игрушек и даже запах. Открываю Наташины методички, раскладываю карточки с животными, проверяю клей и цветную бумагу. Всё есть, всё на месте.

Только почему-то я испытываю дикое волнение, которого не было даже в первый рабочий день. Ощущение, будто кто-то копошится в области солнечного сплетения.

Я справлюсь. Я профессионал.

Два часа пятьдесят девять минут.

За дверью слышатся голоса — Лерин и детский, тонкий, взволнованный.

— Проходите, проходите, сейчас вас встретит Варвара Евгеньевна…

Я глубоко вздыхаю, поправляю платье и улыбаюсь, когда дверь открывается и дети начинают входить по одному — озираясь, толкаясь, оставляя родителей в коридоре. Я киваю всем, здороваюсь, приседаю на корточки:

— Привет, я Варвара Евгеньевна. А тебя как зовут?

— Тимофей.

— Очень приятно, Тимофей. Ты любишь динозавров?

— Люблю.

— Отлично. У меня есть знакомый динозавр-пожарный, я тебя с ним познакомлю.

Тимофей часто кивает и усаживается на стульчик, оглядываясь с видом завоевателя.

Я продолжаю встречать детей, параллельно успокаивая тревожных родителей.

«Здравствуйте, да, я заменяю Наташу, да, обязательно позвоню, если что, нет, не волнуйтесь, всё будет хорошо».

Наконец, десять стульчиков заполняются.

Я беру мягкого зайца — игрушку-помощника, с которым всегда знакомлю новые группы.

— Ребята, давайте сделаем так, — говорю спокойно, с лёгкой улыбкой. — Зайчик Тиша очень хочет узнать, как вас зовут. Но он пока стесняется. Поэтому вы будете выходить сюда по очереди, называть своё имя и показывать своё любимое животное. Можно движениями. Договорились?

— А можно рычать? — спрашивает Тимофей.

— Можно.

Дети начинают шуметь.

— Давайте по очереди. Я буду показывать на вас, хорошо? — обвожу взглядом детские лица. — Вот ты, девочка в розовой футболке. Выходи.

Девочка в розовой футболке выходит, потупившись. Тонкие светлые волосы собраны в два хвостика, на носу веснушки.

— Меня зовут Вера, — почти шёпотом произносит она. — А моё любимое животное — зайчик.

Она показывает ушки пальцами и быстро садится обратно.

— Очень красивое имя, Вера, — улыбаюсь я. — И зайчик — прекрасный выбор.

Следующим выходит Тимофей — гордо выпятив грудь, он оглушительно рычит. Я едва сдерживаю смех.

— Тираннозавр? — уточняю.

— Велоцираптор! — обижается мальчик.

— Прости. Конечно велоцираптор. Очень убедительно.

Дети расслабляются. Кто-то показывает кошку, кто-то собаку, один мальчик изображает жирафа, вытянув шею. Я хвалю всех, киваю, запоминаю. Теперь мы надолго вместе.

Остаются двое.

— Теперь ты, — указываю на девочку, сидящую с краю, чуть поодаль от остальных.

Девочка поднимается.

Светлые, почти белые волосы собраны в аккуратный хвост. Серые большие глаза смотрят внимательно и спокойно. На ней голубой сарафан в мелкий белый горошек, под ним — белая футболка. Сандалики с цветочками. Очень собранная, очень прямая спина.

— Меня зовут Ева, — звонко говорит девочка, без тени стеснения. — И моё любимое животное — панда. Потому что они пушистые и едят бамбук.

— Панда… — улыбаюсь я. — Замечательный выбор. А как твоя фамилия, Ева?

— Я Заголая, — серьёзно отвечает девочка, коверкая буквы.

— Что? — переспрашиваю, потому что не поняла.

— Заголая, — повторяет Ева. — Ну, папа говорит, что это сложно, а я пока маленькая, поэтому не выговариваю. Могу только по слогам: За-гол-ская…

Я перестаю дышать.

— Загорская? — переспрашиваю сиплым голосом.

— Да, — кивает Ева.

Я смотрю на неё неприлично долго.

Красивые глаза. Внимательный взгляд. Прямая спина. И эта манера говорить — спокойно, без суеты, с достоинством, не свойственным четырёхлетке.

Внутри что-то обрывается и летит вниз, будто с того самого снежного склона.

— А отчество у тебя какое, Ева? — спрашиваю я раньше, чем подумаю, ведь у других я не спрашивала.

— Асеньевна, — с трудом выговаривает Ева, споткнувшись на середине слова. — Ну, я не умею пока. Асеньевна. Это потому что папу зовут Асений.

— Арсений, — автоматически поправляю я девочку. — Арсеньевна.

— Да! — восклицает Ева, радуясь, что разгадали загадку. — Ар-рсеньевна! Красиво.

— Красиво, — эхом отзываюсь я. — Очень красивое имя, Ева. Садись, пожалуйста.

Ева садится. Ровно, аккуратно, поправив сарафанчик.

Я отворачиваюсь к столу якобы за новой карточкой. Пальцы дрожат. Я сжимаю их в кулак, пряча в складках платья.

Загорская Ева Арсеньевна.

Нет. Не может быть.

Я беру журнал. Смотрю на список детей — и вижу эту строчку сразу, она будто горит огнём…

Глава 5. Арсений

Кабинет утопает в полумраке, хотя на часах только начало второго. Я опустил жалюзи, чтобы солнце не слепило монитор. Бесконечные правки от заказчика выбешивают настолько, что даже свет кажется лишним раздражителем.

— Бля-я-я… — тяну, глядя на очередное письмо от «Клиента», как мы с Даниилом окрестили этого мудака между собой. — Опять!

Появился у нас один заказчик — владелец сети дорогих ресторанов. Он уже пятый раз меняет концепцию лобби в новом проекте. Сначала это был «скандинавский минимализм», потом «итальянская классика». И был даже «сталинский ампир». Я даже боюсь это вслух произносить, чтобы не рассмеяться. Что усложняет нам работу, так это то, что клиент не может договориться со своей супругой, потому что у них какие-то разногласия.

В приоткрытую дверь заглядывает Аня — новая секретарша, которую Данил взял две недели назад. Двадцать три года, длинные ногти, короткие юбки и полное отсутствие страха перед начальством. Подозреваю, не только перед ним…

— Арсений Вячеславович, кофе сварить? — спрашивает она, стрельнув глазами.

— Не помешало бы.

— А вы такой напряжённый, — Аня делает шаг в кабинет, обводя взглядом рабочий стол. — Может, массаж? Я умею.

Поднимаю на неё глаза. И эта туда же… Где Даня их находит?

Выдерживаю паузу.

— Аня, массаж мне сделает жена, когда я приду домой, — вру, конечно, но ей об этом знать не обязательно. — А ты, будь добра, просто свари кофе.

— Как скажете, — она пожимает плечами без тени обиды и уходит.

В дверях сталкивается с Данилом, который влетает в кабинет с ноутбуком наперевес.

— О, Анечка, кофе захвати, — бросает он, даже не взглянув на неё.

— Вам тоже с массажем? — хихикает она.

— Мне без, — отрезает друг и захлопывает дверь.

Смотрю на товарища. Даня стал моим человеком ещё с песочницы: мы жили в соседних домах, ходили в один садик, потом в одну школу, потом в один университет. Вместе начинали бизнес, вместе прогорали, вместе поднимались. Данил тот, кто всегда говорит правду в глаза, даже когда правда как пощёчина. Эта его черта часто очень отрезвляет.

— Что там? — интересуюсь, хотя по лицу друга всё и так понятно.

— Венеция, блять, — Даня падает в кресло напротив. — Он прислал референсы. Там золото, Арс. Золото! Везде! Я не шучу, он хочет позолоту на потолке, как в базилике Святого Марка. Это же ресторан, а не собор!

— А жена?

— Жена прислала свои — там пастельные тона, лепнина… Они друг другу шлют эти референсы с копией нам. Я уже ненавижу их обоих.

Тру переносицу, жмурясь.

— Давай встречу на завтра назначай, скажем, что надо согласовать финальную концепцию лично. Пусть приходят вдвоём. Пусть прилюдно поубивают друг друга, а мы запишем.

— Думаешь, сойдутся?

— Нет, — честно отзываюсь. — Но хоть поймём, кто из них главный. Тот и пусть рулит.

Товарищ, хмыкнув, достаёт телефон. Я отворачиваюсь к окну, отдёргивая жалюзи. Солнечный свет ударяет в глаза, но я даже не щурюсь.

Всплывает в голове образ дочки. Мысль о ней всегда действует как якорь, что бы ни происходило: разносы от клиентов, авралы, бессонные ночи над проектами. Стоит только вспомнить её серые глаза и голос, и внутри становится как-то тише и спокойнее.

Аня приносит кофе. Ставит чашки, задерживается на секунду дольше необходимого, но я даже не поворачиваю голову.

— Спасибо, свободна.

Она выходит, цокая каблуками.

Даня провожает её взглядом, усмехаясь.

— Долго она у нас протянет?

— Пока не поймёт, что я не собираюсь с ней спать, — отпиваю кофе. — Или пока ты не сорвёшься и не уволишь её.

— Я уже на грани. Она вчера мои бумаги переложила. Я полдня искал.

— Поменяй стопку местами, она и не заметит.

— А смысл?

Пожимаю плечами. Спорить не хочется.

— Где ты её нашёл? Дай уже задание эйчарам, пусть они этим вопросом займутся и кого-то толкового примут.

Мы сидим ещё час, перебирая варианты, переписывая смету, матерясь вполголоса, когда неожиданно звонит мой мобильник. На экране высвечивается имя няни. Ольга Васильевна. Она с нами уже третий год, и Ева её любит. Всё это выглядит странно, она обычно не звонит в рабочее время.

— Алло, Ольга Васильевна. Что-то случилось? — сразу выпаливаю и ощущаю, как сердце на мгновение уходит в пятки.

— Нет-нет, Арсений Вячеславович, с девочкой всё в полном порядке, простите за беспокойство, — раздаётся взволнованный, почти панический голос. — Я… я дико извиняюсь, мне срочно нужно уехать. Мой зять попал в аварию, несерьёзно, но его в травму увезли, а со старшим внуком сидеть некому — дочь в роддоме…

Закрываю глаза, мысленно считая до пяти. Сегодняшний день определённо решил войти в мою личную топ-десятку по уровню сюрреализма.

— Вы сейчас где?

— Я-я-я в детском центре, жду Еву, пока она на занятии, — объясняет, стараясь говорить ровно, но я слышу, что она нервничает. — Простите, ради бога!

— Понял. Не волнуйтесь, мы решим вопрос. Поезжайте к семье… И пусть все будет хорошо.

— Спасибо вам огромное, вы замечательный! — растроганно буркает няня и отключается.

Усмехаюсь. Мне только и остаётся что получать комплименты от няни дочери.

Даниил всё это время не шевелился, смотрит на меня вопросительно.

— У няни случился форс-мажор. Надо ехать за Евой.

— А Окс? — вспоминает о моей жене, называя её прозвищем из прошлого.

При этом на его лице играет снисходительная улыбка, потому что знает, что она, как обычно, *не сможет* …

— Сейчас, — набираю жену.

Оксана отвечает не сразу. Сначала идут гудки, потом долгая пауза, потом её голос — томный, с лёгкой хрипотцой, каким она говорила всегда, когда была на своих «практиках».

— Арсюша, я сейчас не могу говорить — у нас пранаяма…

— Оксана, няне пришлось уехать. Надо забрать Еву через час, — игнорирую её слова.

— А сколько сейчас времени?

— Начало четвёртого, — отвечаю, раздражаясь.

Что, блядь, за торги, когда дело касается ребёнка?

— Ой, ну я не успею, у меня до шести занятие, потом ещё коллективная медитация, мы сегодня открываем четвёртую чакру…

— Оксана, — останавливаю её, стиснув зубы, — твоя дочь останется одна в центре, если мы её не заберём.

— Не одна, там же воспитатели, — философски замечает Оксана. — И потом, Арсюша, Вселенная не посылает нам испытаний, которые мы не можем преодолеть. Просто доверься потоку.

— Потоку… — повторяю эхом… отключаясь на мгновение.

Прихожу в себя, собираясь вразумить жену, но она сбросила вызов.

Данил молчит, но по лицу его видно, что он слышал достаточно, чтобы сложить картинку.

— Ничего не меняется?

— Ничего, — с досадой киваю, убирая телефон в карман брюк.

— Ладно, — вздохнув, хлопаю по столу. Хватаю пиджак. — Я за Евой. Если «Клиент»…

— Я прикрою, — Данил машет рукой. — Иди. Дочь важнее.

Выхожу из кабинета, быстрым шагом прохожу мимо Анны, которая, не упустив возможность, что-то спрашивает про завтрашние встречи. Бросаю ей «потом» и уже через минуту в лифте нажимаю кнопку этажа паркинга.

Адрес центра я знаю — сам выбирал, сам возил Еву на пробное занятие, сам заполнял бумаги. Название прикольное: «Облака» Еве понравилось.

Завожу двигатель и выруливаю со стоянки.

…пранаяма (пример автора — система дыхательных практик в йоге)

Глава 6. Варя

Сделав глубокий медленный вдох, я заставляю себя выдохнуть и собраться. Разжимаю пальцы почти силой воли, а шум в голове мысленно заглушаю. Занятие в самом разгаре, и я как профессионал обязана довести его до конца, несмотря на бушующие эмоции. Мне предстоит отвлечься от мысли, что теперь в моей группе будет заниматься дочь моей первой любви.

Рассаживаю детей, раздаю материалы. Сегодня они рисуют животных. Я перемещаюсь между столами, наблюдаю, помогаю, хвалю, подбадриваю. Я запрещаю себе смотреть на Еву, но взгляд сам находит её. Задерживается слишком долго, с невольной жадностью, которую я не в силах преодолеть. Наблюдаю, как она, сосредоточенно высунув кончик языка, выводит плавные линии. Как увлечённо заполняет чёрно-белыми пятнами силуэт панды. Она, словно почув-

ствовав мой взгляд, поднимает глаза. Смышлёные, ясные… Встреча взглядов длится мгновение, после которого она снова погружается в рисунок, спокойная и уверенная.

Очень красивая, хорошая девочка у них выросла , — проносится в голове ноющая мысль, и мне становится ещё печальнее. Для меня как для женщины эта встреча и это осознание вряд ли пройдут бесследно…

Занятие заканчивается. Дети расходятся, и я наконец могу перевести дух. Прибираюсь в кабинете, раскладываю всё по местам, мою кисточки. Решаю выйти к администратору, чтобы уточнить новое расписание,

делаю шаг в коридор и замираю. Сердце совершает головокружительный кульбит, а затем резко падает в пустоту. Я физически чувствую его полёт. Он стремительный, пугающий, неотвратимый.

У стойки ресепшена спиной ко мне стоит мужчина. Белая рубашка с закатанными рукавами, строгие брюки, аккуратная стрижка, широкие плечи. Вокруг него кружится Ева, что-то увлечённо рассказывая, притоптывая. Мне даже не нужно видеть лица, чтобы каждой клеткой понять, кто это.

Память тела срабатывает быстрее сознания.

Громко сглатываю ком в горле, ладони мгновенно становятся влажными. Первое желание — развернуться и скрыться в кабинете. Но я не успеваю. Мужчина поворачивается. Лера-администратор, заметив меня, тут же оживляется:

— А вот и ваш новый педагог! — щебечет она. — Наталья ушла в декрет, и теперь с детками будет заниматься Варвара Евгеньевна. Очень талантливый специалист, дети её обожают, — обращается она к Арсению.

Но он словно не слышит её.

Я тоже не слышу, что она говорит дальше. Совсем. Весь звук поглощает нарастающий шум в ушах. Потому что я снова проваливаюсь в тот самый зелёный омут глаз, который, казалось, навсегда остался в прошлом. Который я запрещала себе вспоминать.

Арсений почти не изменился. Лишь волосы стали короче, и они убраны со лба, а во взгляде незнакомая мне сдержанность. Или глубокая усталость. Или и то, и другое.

Я думала, мы никогда больше не увидимся.

Время замирает. Секунда, другая. Я беру себя в руки. Снова. Надеваю на лицо каменную маску и делаю шаг вперёд, заставляя ноги двигаться.

— Добрый день, — обращаюсь к Арсению, протягивая руку, и тут же понимаю, что это была тактическая ошибка.

Моя ладонь оказывается в его. Она тёплая, сухая, до мурашек знакомая. Я чувствую, как импульсы бегут от наших соприкасающихся пальцев вверх, к запястью, к локтю, прямо к колотящемуся сердцу, угрожая сорвать весь мой хрупкий самообман.

— Добрый, — отзывается он глуховато, не отрывая от меня пристального взгляда.

В его зелёных глазах я читаю смесь шока, растерянности и недоверчивого медленного узнавания, будто он видит призрак.

— Это Арсений Вячеславович, папа Евы, — вклинивается Лера, наконец заметив тягостную паузу.

— Очень приятно, — вежливо отвечаю, позволяя себе формальную улыбку. — Правда, прошу заранее прощения, сегодня было столько новых знакомств, вся группа новая… Боюсь, я не запомню всех родителей сразу. Так что не обессудьте, если что. —

А он всё это время сверлит меня взглядом, гипнотизирует. Пытаюсь мягко высвободить руку, но Арсений не отпускает её сразу, задерживая на долю секунды. Чувствую, как его пальцы слегка сжимаются.

Я держу лицо. Только одному Богу известно, чего мне это стоит. Сердце колотится, ладони потеют, но я держусь.

— У вас очень смышлёная и талантливая девочка, — продолжаю профессионально-доброжелательным тоном, отводя взгляд к Еве, которая с интересом наблюдает за нами. — Всё схватывает на лету. Знаете, она сегодня выделилась среди всех. Дети в основном выбирали котиков, собачек, а Ева — панду. Это говорит о нестандартном мышлении и хорошем вкусе. Как преподаватель советую это поощрять.

— Хорошо, — отвечает Арсений всё так же глухо, наконец отпуская мой взгляд и глядя куда-то мимо моего плеча, будто ища опоры. — Хорошо. Я… понял. Спасибо.

Повисает звенящая пауза. Лера с нескрываемым недоумением переводит взгляд с моего застывшего лица на его напряжённый профиль.

— Ну, всего доброго, — говорю я максимально буднично. — Если будут вопросы — обращайтесь. — И, развернувшись на каблуках с неестественной резкостью, направляюсь обратно к спасительной двери кабинета. — До свидания, Ева, — бросаю через плечо, машинально машу девочке, а та в ответ смущённо хихикает и прячется за ногу отца.

Захожу в свой кабинет, закрываю дверь и медленно сползаю на свой стул так, будто у меня внезапно подкосились ноги. Руки предательски дрожат мелкой дрожью. Хватаю со стола полупустую бутылку с водой, делаю несколько жадных судорожных глотков. Меня колотит внутри как после удара током.

Я не ожидала. Искренне думала, что прошлое похоронено достаточно глубоко. Но стоило Арсению появиться, просто посмотреть на меня этим его взглядом — и всё. Вся тщательно выстроенная крепость рухнула в одно мгновение, всколыхнув всё внутри.

Глава 7. Арсений

Я не верю своим глазам.

Варя.

— Хорошо, — выдавливаю наконец из себя. — Хорошо. Я… понял. Спасибо.

Она уходит. Разворачивается и уходит, даже не оглянувшись. Только легкий кивок в сторону Евы, машинальный взмах рукой.

Я стою как вкопанный. Девушка с ресепшен — кажется, Лера — что-то говорит, улыбается, машет рукой перед моим лицом. Я не реагирую. Не могу.

— Пап, пойдём! — Ева дёргает меня за штанину. — Папа, ты чего?

— Что? Да, конечно, малышка. Пойдём.

Беру дочь за руку, сжимаю её маленькую ладошку в своей и выхожу на улицу. Солнце бьёт в глаза, жаром, как из печи, пышет лицо. Плюс тридцать. Асфальт плавится, воздух дрожит. Контраст с приятной прохладой центра такой резкий, что на секунду темнеет в глазах.

— Пап, я хочу мороженое! — Ева прыгает на месте, радуясь солнцу и свободе после занятия.

— Что? — переспрашиваю, всё ещё не до конца придя в себя.

— Мороженое! Ну, па-а-ап! Ты обещал!

— Да… Конечно, зайка.

Я усаживаю её на заднее сиденье в детское кресло, привычным движением застёгиваю ремни. Она что-то щебечет, машет руками, показывает свой рисунок. Панда. Чёрно-белая, со смешными круглыми ушами и глазами-пуговками.

Сажусь за руль, завожу двигатель, но не трогаюсь с места. Смотрю перед собой, чувствуя себя потерянным, хотя каких-то пятнадцать минут назад был уверен, что в моей жизни всё под контролем.

— Пап, поехали! — нетерпеливо напоминает о себе Ева с заднего сиденья. — Ты сказал — мороженое!

— Да, малышка, поехали.

Выезжаю с парковки, лавируя в потоке. В голове рой мыслей.

Это невозможно. Этого просто не может быть. Я запретил себе даже думать о ней. Вычеркнул. Сжёг все мосты, все воспоминания, все надежды, которые когда-либо имел глупость лелеять. Я жил дальше, как нормальный человек.

Или не жил? Или просто существовал, заглушая боль работой и обязательствами?

Какая ирония. Именно она — преподаватель моей дочки в центре развития дошколят.

Охренеть, ситуация! Горько усмехаюсь.

— А она красивая, да, пап? — неожиданно спрашивает Ева.

— Кто? — напрягаюсь.

— Вава Евгения. Она красивая. И добрая. Она всем помогает. И меня похвалила.

— Да, — отвечаю тихо. — Красивая.

— А ты чего такой грустный? Тебе не понравилось, как я нарисовала?

— Нет, что ты, Ева. Очень понравилось. Ты умница.

Она довольно хмыкает и продолжает рассматривать свой рисунок.

— А ещё… ещё она смешно убирает волосы за уши, вот так! — Дочь показывает как именно, смешно кривляясь.

Я невольно улыбаюсь. Этот жест я помню. Мизинцем, чуть кривя губы в досаде.

— А ещё она пахнет вкусно, — продолжает Ева. — Как цветочки. Или как конфетки. Не знаю. Вкусно.

Закрываю глаза на секунду. Чёрт. Чёрт, чёрт, чёрт.

Звонит телефон. Нажимаю кнопку на руле, активируя звонок по громкой связи.

— Арсений Вячеславович! — голос Сергея, моего мастера, звучит взволнованно. — У нас ЧП. В «Небесных резиденциях» на 12-м этаже! Прорвало стояк, но пока ехала аварийка, всё залило! В коридоре, в трёх квартирах потолки… Вода на лифтовую шахту пошла! Надо вас срочно. Управляющая истерит, жильцы требуют компенсацию сейчас же…

— Сергей, дыши. Вентиль на стояке перекрыли? Электричество отключили?

— Да. Всё сделали!

— Понял. Еду.

Сбрасываю звонок и смотрю в зеркало заднего вида на Еву. Она задумчиво смотрит в окно, что-то нашёптывая.

Звоню Данилу в надежде, что он подменит, излагаю проблему.

— Арс, я в ловушке. Наш с тобой «Клиент» явился вроде с окончательным решением, — говорит тихо, срываясь на шёпот. — Сам понимаешь, это надолго. Не вырвусь никак.

— Понял. Разбирайся. Я сам, — отвечаю, сжимая руль. — Неизвестно, кому хуже, — издаю нервный смешок, даю отбой.

Бросаю короткий взгляд в зеркало заднего вида, принимая решение. Не впервой, в конце концов.

— Ева, солнышко, — говорю как можно спокойнее, — у папы проблема на работе. Надо срочно приехать. Я куплю тебе мороженое, по дороге съешь.

— Ура! Я еду с папой на работу! — радостно взвизгивает дочь.

Заезжаем в знакомое кафе-мороженое у дороги, я покупаю дочке ванильное в стаканчике с цветной посыпкой и маленькой ложечкой. Ева, радуясь, начинает его есть, и, конечно же, через пять минут у неё не только рот, но и нос, пальцы и голубой сарафанчик украшены кремовыми разводами и блёстками посыпки.

Подаю ей влажные салфетки, она сама вытирается.

Подъезжаем на место, без препятствий проезжаем пост охраны. Прошу знакомого пожилого охранника у стойки, Николая, присмотреть заЕвой ненадолго. Тот с удовольствием согла-

шается, улыбается Еве, достаёт из-под стойки блокнот с фирменным логотипом ЖК и набор фломастеров:

— Да без проблем, Арсений Вячеславович. У нас тут тихо и уютно. Садись, красавица, вот тебе альбом. Будешь как настоящий архитектор.

Оставляю дочь, и она обещает нарисовать водопад.

Оказавшись на месте, испытываю дикий шок после оценки ущерба, но быстро беру себя в руки —на такие случаи есть страховка. Приходится поднапрячься, чтобы успокоить злющую управляющую ЖК, но, применив пару улыбок и конкретных решений, дело удаётся замять.

Домой едем в тишине. Солнце близится к закату, Ева уснула на посту охраны, спит, распластавшись в кресле, сминая в ручке рисунок медведя.

Варя.

Всплывает в голове образ девушки, которая скрутила меня однажды в гордиев узел и появилась снова, чтобы… что? Докрутить? Усмехаюсь своим мыслям, положив локоть на дверь, тру подбородок.

Она стала другой. Взрослой. Настоящей женщиной. Исчезла та трогательная и чуть неуклюжая девчонка, которая краснела от каждого моего комплимента и нашей близости. Сегодня она — уверенная в себе женщина. Красивая. Очень красивая. До дискомфорта в груди.

Глава 8. Варя

Выхожу на улицу, воровато оглядываясь по сторонам, как будто нарушаю какой-то запрет.

Ясно же, что тот, кого я подсознательно ищу взглядом и так боюсь увидеть, уже уехал. Со своей дочкой. К своей жене…

Кислый комок подкатывает к горлу, и я делаю резкий глоток душного воздуха.

Домой решаю идти пешком — надо проветрить голову. Правда, идти далеко, не один квартал. Но буду шагать, пока ноги не устанут, пока мысли не улягутся.

На улице шумно, город живёт своей жизнью, равнодушный ко мне. Гул автомобилей, смех в уличном кафе, обрывки разговоров прохожих — всё это сливается в отдалённый невнятный фон. Я погружена в себя, в этот тихий хаос под рёбрами. Шаг за шагом твёрдо ступаю по асфальту, будто пытаюсь затоптать назойливую тревогу.

Всё-таки у них получилось. Семья, дочка, общий быт. Значит, всё было правильно тогда. Правда, которая делала третьей лишней именно меня. Не Оксану, которая где-то там ждала своего часа, а меня. Варю, которая поверила в исключительность своего чувства.

Жаль, что нельзя стереть память, как стирают пыль с полки. Я бы с удовольствием взяла в руки эту волшебную тряпку и прошлась ею по целому ряду воспоминаний. До блеска. До пустоты.

Иду и ловлю себя на странном: уголки губ сами собой ползут вверх. В памяти всплывают картинки нашего знакомства, ночь в заброшенном доме, как я смущалась, как его это забавляло…

— Чтоб тебя, Загорский, — резко одёргиваю себя шёпотом, злясь то ли на него, то ли на себя.

Но больше, конечно, на себя. За эту дурацкую дрожь в коленях при виде его. За то, что спустя столько лет его взгляд всё ещё ощущается на коже как прикосновение.

Сквозь шум машин и собственных мыслей не сразу слышу настойчивую вибрацию в сумке. Достаю телефон. «Гелька». Хочется проигнорировать, но палец уже тянется к зелёной кнопке.

— Алло, — отвечаю глухо и устало.

— Варька, привет! Как день? Ты как? — звонкий, заряженный энергией голос подруги заставляет меня выпрямить спину. — Тебя малявки твои ещё не ушатали? — смеётся Геля.

Её смех — как луч света в сером тоннеле моих мыслей. И, может быть, поэтому защита даёт сбой. Слова вырываются сами, тихо и ровно, прежде чем мозг успевает их остановить:

— Геля… я его видела.

— В смысле? Кого? — интонация мгновенно меняется с весёлой на настороженную.

Я чётко представляю подругу в этот момент: она замирает, задумчиво хмурит свои идеальные брови, глаза быстро бегают, собирая пазл.

— Загорского. Арсения. Его дочка ходит к нам в центр.

Повисает пауза. Слышу, как Геля задерживает дыхание.

— Твою ж дивизию! — наконец взрывается она, щедро приправив восклицание крепким словцом. — Ну и как наш женатик выглядит? Состарился? Облысел? Пузо отрастил? — пытается шутить, но в её тоне слышится тревога, потому что она знает, помнит, чего мне стоило пережить расставание.

Я горько усмехаюсь, глядя куда-то перед собой.

— Как-как… Супер! — кривлю губы в подобие улыбки, которая больше похожа на гримасу. — Взросло так, красиво. Солидно. Дорого. И дочка у него… — Голос внезапно срывается, комок снова подкатывает к горлу. Я откашливаюсь, сжимая телефон в руке. — Такая классная девочка, Гель. Не по годам серьёзная, умненькая... Я боюсь. Я правда боюсь, что не смогу быть с ней объективной. Что буду видеть в ней не только его. И её мать, которая сейчас живёт с ним той самой жизнью, о которой я когда-то наивно мечтала.

— Ох, Варька… Держись, родная. Может, это не просто так? Может, это знак? — осторожно, почти шёпотом предполагает подруга, ища хоть какую-то позитивную нить.

— Какой, к чёрту, знак? — огрызаюсь я, и моя злость, копившаяся весь день, находит наконец выход. — Это не знак, Геля, это насмешка! Самая настоящая кривая насмешка судьбы! —

Я делаю глубокий вдох, пытаясь взять себя в руки. Говорю уже тише, убеждая больше себя, чем её:

— Это проверка. Понимаешь? Проверка, готова ли я к новому этапу. К настоящему. Проверка наших с Тёмой отношений. И я должна её пройти. Достойно. Без этих дурацких рецидивов.

— Ладно, Варь, не сердись. Я же просто поддержать хотела, — слышу слегка обиженное бормотание, и мне мгновенно становится стыдно за свою резкость.

— Всё хорошо, Гель. Прости. Я просто… Целую тебя крепко. Моя маршрутка подъехала, — говорю, увидев вдали нужный мне автобус.

Мы тепло, хоть и с налётом грусти, прощаемся. Я почти бегу к остановке, ловко ныряю в открывающиеся двери и, найдя свободное место у окна, убираю телефон в сумку. Прижавшись лбом к прохладному стеклу, наблюдаю, как уплывают назад идущие по своим делам люди.

Когда-то я водила машину, подарок родителей, красненький «Фиат». Продала её, когда брала студию в ипотеку. Сейчас я сдаю эту студию, а сама живу у Артёма. Деньги от съёма идут на погашение ипотеки. Практично. Взросло. Как будто всё под контролем.

Через полчаса выхожу у своего, вернее, нашего с Тёмой дома. Забегаю в магазинчик у дома, на автомате хватаю с полок стандартный набор: молоко, хлеб, йогурты. На кассе устало улыбаюсь продавщице.

Во дворе, как всегда, своя жизнь. Ребятишки с визгами носятся по протоптанным тропинкам, играют на площадке. Бабульки на лавочках, дождавшись спада жары, с азартом обсуждают дворовые новости. Всё привычно, уютно и так далеко от внутреннего шторма.

Подхожу к подъезду, шарюсь в сумке в поисках ключей. И снова эта противная настойчивая вибрация! Да что ж такое-то сегодня?!

Достаю телефон. На этот раз на экране светится надпись «Любимый». У меня в груди неожиданно щемит. Не от нежности. От предчувствия.

— Привет, Артём, — отвечаю на звонок, вкладывая в эти слова всю мою накопленную за день усталость.

— Варюх, ты где? — раздаётся в трубке его бодрый загадочный голос. Таким Артём бывает, когда что-то задумал.

— Подхожу к дому, уже почти у подъезда, — замедляю шаг, будто это может отсрочить неизбежное.

— Отлично! Ты это… не поднимайся пока. Побудь во дворе пять минут, подожди меня, — его голос звучит заговорщицки, взволнованно. — Я сейчас подъеду, заберу тебя, мы с тобой в одно место съездим. Важное.

Я закатываю глаза и обречённо вздыхаю, едва сдерживаясь, чтобы не топнуть ногой от раздражения.

— Тём, слушай, давай в другой раз? Умоляю, — канючу. — Я сегодня просто как выжатый лайм. Устала жутко. Честное слово, сил нет ни на какие сюрпризы.

— Нет-нет, — мягко, но со своей железной настойчивостью возражает Артём. — Именно сегодня. Именно сейчас. Это нельзя откладывать. Жди меня, я скоро. Я люблю тебя. —

И он отключается, не оставив мне шансов на возражения.

Стою посреди двора с пакетами в руках и чувствую, как наваливается свинцовая усталость. Сейчас бы залезть под горячий душ и завалиться надиван. А лучше сразу в постель.

Что Артём задумал?

Медленно поднимаюсь в квартиру. Ставлю пакеты к кухне, и ноги сами несут меня в спальню. Открываю комод, вожу рукой по аккуратно сложенному белью. Там, в глубине, должна лежать маленькая бархатная коробочка.

Коробочки нет. Либо перепрятал надёжнее, либо… носит её с собой.

Значит, сегодня… Он сделает мне предложение сегодня.

Я застываю у открытого комода. В ушах звонит. В груди пустото.

Вот он — момент, которого я должна ждать, момент, когда Артём он встанет на одно колено, скажет что-то трогательное и неловкое. И я отвечу:«Да». И стану самой счастливой. Обручальное кольцо станет моим оберегом.

И никакое внезапное появление Загорского на горизонте этого не изменит.

Не должно изменить.

Я закрываю комод с тихим щелчком. Звук кажется выстрелом в тишине квартиры.

Глава 9 Варя

Я спускаюсь во двор, понимая, что уже не отвертеться.

Артём уже здесь. Его тёмный седан припаркован прямо у подъезда, мигает «аварийкой». Сам он стоит, опершись на капот, и в руке держит букет — нежные кремовые розы. Увидев меня, расплывается в улыбке.

— Варька! А я же просил внизу ждать! — Он делает шаг навстречу, протягивая цветы. — Зачем домой пошла?

— Продукты отнесла, — пожимаю плечами, принимая букет. — Не бросать же.

В нос ударяет цветочный запах. Невозможно не насладиться им, что я и делаю: закрываю глаза, наклоняюсь и втягиваю носом аромат.

— Спасибо, — говорю и целую Тёму в небритую щёку.

Сажусь в машину, кладу букет на заднее сиденье, аккуратно поправляя юбку. Щёлкаю ремнём безопасности. В салоне пахнет одеколоном Артема, розами будто химчисткой.

— Поехали, — коротко говорит он и плавно выруливает со двора.

Артём что-то рассказывает про свой день, про смешной случай с клиентом, шутит. Его голос создаёт ровный фон. Я киваю, поддакиваю, а сама смотрю в окно, как на город потихоньку опускаются сумерки, зажигая отдельные фонари.

Мы едем через центр. Артём паркуется на набережной у одного из тех новых стеклянных небоскрёбов, куда я обычно даже не смотрю — не мой ценовой сегмент.

— Ты серьёзно? —вскидываю брови, глядя на вывеску ресторана на последнем этаже.

— Абсолютно, — довольно кивает Тёма и берёт меня за руку. — Прошу.

В лифте я украдкой разглядываю его профиль. Он волнуется — это видно по тому, как он сжимает мои пальцы чуть сильнее обычного. Под ложечкой противно сосёт от усталости, предсказуемости вечера и дневного потрясения, от которого я не могу отойти до сих пор.

Ресторан «Воздух» оказывается именно таким — воздушным. Панорамные окна, город в огнях под ногами, белоснежные скатерти, хрусталь, приглушённый свет. Нас провожают к столику у окна, из которого открывается умопомрачительный вид.

— Нравится? — Артём светится, усаживаясь напротив.

— Очень красиво, — честно отвечаю.

Официант приносит меню в кожаных папках. Пробегаю глазами по ценам, и внутри всё сжимается. Это даже не дорого, это какой-то космос. У Артёма хорошая работа, но такие рестораны явно не про его зарплату.

Он взял кредит ради этого вечера? Сердце кольнуло неловкостью, но я проглатываю вопрос.

— Я, наверное, возьму запечённого сибаса и овощи на гриле, — говорю, закрывая меню.

— Отличный выбор, — одобряет Артём. — А на горячее?

— Ну, сибас и будет горячее, — уточняю я.

— Так, может, ещё что-то? — он заглядывает в меню. — Рибай здесь хвалят.

— Тём, я не осилю стейк вечером, — мягко останавливаю его.

Официант принимает заказ: сибас для меня, рибай для Артёма, бутылка хорошего «Шардоне». Я отмечаю, что вино премиум-класса, и вновь вскидываю взгляд на Артёма.

Откуда у него деньги? И к чему такие растраты, если мы копим на отпуск?

Не нравится мне всё это…

Ужин тянется бесконечно. Артём рассказывает какие-то рабочие истории, строит планы на отпуск, который мы всё откладываем. Я киваю, поддакиваю, но его голос звучит где-то на периферии. Смотрю на огни вечернего города и думаю о том, как абсурдно устроена жизнь. Как такое возможно: в один день встретить бывшую любовь и получить предложение выйти замуж от нынешнего.

Кстати, о предложении. Перевожу взгляд на Тёму. Он не выглядит взволнованным, ничего не предпринимает. Или, может, я придумала то, чего нет, и это просто свидание?

— Скажите, пожалуйста, а какое у вас блюдо дня из десертов? — интересуюсь у официанта, который подошёл, чтобы забрать посуду от основного ужина.

— Пирожное «Три шоколада» от нашего шеф-кондитера, — с улыбкой отвечает он. — Очень рекомендую.

— Отлично, принесите два, — отвечает за меня Артём, многозначительно на меня посмотрев.

Когда приносят десерт, я уже почти ничего не соображаю от усталости и выпитого вина. Красивое пирожное в шоколадном соусе выглядит как произведение искусства.

— Попробуй, — подбадривает Артём, глядя на меня с плохо скрываемым волнением.

Я беру ложку, отрезаю кусочек, отправляю в рот. И почти сразу чувствую твёрдое инородное тело. Металл. На зубах. Я машинально сжимаю челюсть, пытаясь понять, что это, и тут до меня доходит. Кольцо! Оно во рту! От неожиданности и ужаса я делаю судорожный вдох и… давлюсь. Воздух застревает где-то в трахее, я начинаю кашлять, хватаю ртом воздух, но он не проходит. Глаза вылезают из орбит, лицо заливается краской. Я пытаюсь выплюнуть проклятое кольцо, но от кашля не могу ничего контролировать.

— Варя! Варя, ты чего?! — Артём вскакивает, хлопает меня по спине.

Я, продолжая кашлять и задыхаться, выплёвываю на тарелку кольцо вместе с остатками шоколада. Оно со звоном падает на фарфор. Я делаю глубокий спасительный вдох, чувствуя, как слёзы от удушья выступают на глазах.

— Ты… — сиплю я, вытирая рот салфеткой.

Артём, кажется, не замечает моего полуобморочного состояния. Он просто берёт кольцо, аккуратно, с каким-то обречённым упорством вытирает его салфеткой до блеска, протягивает мне.

— Варя… — взволнованно проговаривает он. — Ты… ты будешь моей женой?

Я всё ещё кашляю, вытираю слёзы, дышу, как выброшенная на берег рыба. Смотрю на его взволнованное лицо, на блестящее кольцо у него в пальцах, и понимаю: вот он. Момент. Тот самый, которого я ждала. Которого должна хотеть.

Я киваю. Судорожно, часто, потому что сказать «да» всё ещё не могу — горло перехвачено.

— Да, — выдыхаю наконец хрипло. — Да, Тём, конечно да.

Его лицо озаряет счастье. Он надевает кольцо мне на палец. Оно чуть великоватое и липкое от шоколада. Артем целует меня в губы у всех на виду. Парочка за соседним столиком аплодирует. Я улыбаюсь, но улыбка выходит натянутой.

Домой едем молча. Я смотрю на кольцо — красивое, с небольшим бриллиантом, классическое. То, о чём я, наверное, мечтала. Артём держит меня за руку, поглаживает большим пальцем моё колено. От его прикосновений по коже бегут мурашки, но не от возбуждения. От нервного озноба.

Я знаю, что будет дальше. Секс. Потому что так положено. Потому что мы жених и невеста. Потому что он этого хочет и ждал этого вечера.

Захожу в прихожую, вешаю сумку, снимаю туфли. Артём сзади обнимает меня за талию, целует в шею.

— Ну что, моя невеста? — шепчет он довольно.

Я закрываю глаза. Вкус шоколада и металла всё ещё во рту. В голове — каша из усталости, образа Загорского, его дочки и кольца на пальце. Я чувствую себя опустошённой.

— Я в душ, — говорю тихо, высвобождаясь из его объятий. — Я сейчас, Тём. Очень устала сегодня.

Он понимающе кивает, но в его глазах мелькает тень разочарования.

Закрываю дверь в ванную, включаю воду и долго смотрю на своё отражение в зеркале. На бледную измученную женщину с обручальным кольцом на пальце.

Не так я себе это представляла. Совсем не так.

Глава 10. Арсений

Прошло несколько дней, неделя… Я сбился со счёта с того самого дня как узнал, что девушка, которую я любил по-настоящему, ближе, чем я думал.

Мать его! Она занимается с моей дочерью. Это же кошмар! Я до сих пор в ахере.

Как мне об этом не думать?

Я не знаю. Поэтому делаю идиотские вещи. Поэтому уже сам вожу дочь, отменяя встречи и перенося звонки. Няня в последний раз смотрела на меня так, словно я медленно схожу с ума, но вопросов не задавала. Благоразумная женщина.

Я и сам не могу дать внятного ответа, зачем делаю все это. Кроме одного: это потребность. Необъяснимая физическая тяга оказаться здесь, увидеть её, поговорить. Но либо вижу её со спины, уходящей в другой кабинет, либо слышу её голос за закрытой дверью.

Поэтому решаю применить другую тактику. Под видом уточнения расписания узнаю у администратора, когда у Варвары заканчивается последнее занятие.

И теперь жду. Не в фойе, где она может легко улизнуть другим выходом, а на улице, у своей машины.

Июль, жара, но сегодня после обеда прошёл долгожданный ливень. Воздух стал чище, асфальт парит. Идеальный вечер, чтобы… подкарауливать человека.

«Загорский, ты себя слышишь вообще?» — хрипло усмехаюсь, откашливаясь в кулак, и качаю головой.

Выхожу из машины, прислоняюсь к капоту. Время тянется бесконечно. Я чувствую себя нашкодившим подростком-идиотом, но уйти не могу.

Наконец, дверь центра открывается. Варя выходит, поправляя сумку на плече. На ней лёгкое светлое платье, волосы собраны в небрежный хвост. Она останавливается на крыльце, глубоко вдыхает этот свежий послегрозовой воздух и оглядывается по сторонам. Ищет кого-то? Или просто наслаждается вечером?

Я делаю шаг в её направлении. Она замечает меня. На долю секунды её лицо застывает, а в глазах мелькает растерянность. А потом она резко отводит взгляд, разворачивается и быстро, почти бегом, идёт в другую сторону от остановки.

— Варя! — кричу я, срываясь с места.

Она не останавливается. Только ускоряет шаг. Чёрт!

Я догоняю её и ловлю за тонкое запястье, разворачиваю к себе.

Варя смотрит на меня колючим взглядом, но невозможно не заметить, как трепещут её ресницы, что у неё сбилось дыхание. Варя волнуется, это факт.

— Вы что-то хотели, Арсений Вячеславович? — официально обращается ко мне. — Все вопросы по занятиям вашей дочери прошу решать в рабочее время. — Она демонстративно, с лёгким вызовом, смотрит на свои часы.

— Моё рабочее время закончилось.

Варя пытается держать нейтралитет, играть в неприступность. Но я же вижу, как напряжены мышцы на шее, как она часто моргает, как отводит глаза, избегая моего взгляда.

— Варь, перестань, — говорю я мягко, всё ещё не отпуская её руку. — Выключи ты эту официальную ноту. Пожалуйста. Давай просто поговорим? Пойдём выпьем кофе? Не убегай.

Пытаюсь поймать её взгляд, и мне это удаётся.

В этот момент меня накрывает осознание: я ни черта не забыл. Ни на секунду. Стоило оказаться рядом, и внутри все перевернулось.

Варя молчит, глядя на меня в упор. Потом аккуратно, но решительно высвобождает свою руку.

— Я не думаю, что это хорошая идея. — Она запинается, но тут же исправляется. — Во-первых, я не пью кофе с женатыми мужчинами, чтобы не компрометировать ни себя, ни вас. —

Она медленно поднимает правую руку и демонстративно смотрит на тонкое колечко на безымянном пальце.

— А во-вторых, не думаю, что моему жениху это понравится.

Жених, значит. Я сглатываю. В голове звенит пустота. Смотрю на это кольцо, потом на неё. Варя держится с таким видом, будто сделала меня. Мол, умылся, Арсений? Она защищается. От меня. От себя.

— Не вижу проблемы, — выдыхаю, пытаясь вернуть голосу лёгкость, которая мне самому кажется фальшивой. — Это же всего лишь кофе в людном месте, на безопасном друг от друга расстоянии, — улыбаюсь. — Я же тебе не секс предлагаю. Не номер в гостинице. Просто посидеть поговорить.

— Арсений! — шипит она, сжимая ремешок от сумки. — Не надо! Не ищи со мной встреч. Ты же всё прекрасно понимаешь. —

Варя переводит дыхание, будто собирается мыслями.

— Иди к своей жене. И забудь, что я вообще существую. Забудь, что занимаюсь с твоей дочерью. И, ради всего святого, перестань её сам привозить. Это… это заметно.

Варя резко разворачивается и идёт прочь. Быстро, почти бегом. Я смотрю ей вслед, не в силах пошевелиться. Она подходит к припаркованной чуть поодаль машине. Тёмный простой седан. Из водительской двери выходит парень. Белобрысый. Высокий. Каланча, мать его. Лыбится во весь рот.

Когда Варя подходит, он её обнимает, целует в губы. Легко, привычно, по-хозяйски. Потом открывает перед ней дверь, усаживает, обходит машину и садится за руль. Машина срывается с места и исчезает за поворотом.

Ну супер, чё. «Ну и кретин же ты, Загорский. А что тебя так удивляет?» — мысленно обращаюсь к себе и офигеваю от своих эмоций.

Меня разрывает на части. Холодная, едкая всесокрушающая ревность, перемешанная с горечью и осознанием собственного идиотизма, заполняет меня до краёв. Я стискиваю кулаки до хруста костей и, выругавшись просебя, бью кулаком по ладони.

Глава 11. Арсений

В детской царит полумрак. Ночник-месяц мягко подсвечивает кроватку, отбрасывая на стены золотистые блики. Ева в пижаме с единорогами сидит, нахохлившись среди подушек, и смотрит на меня с той трогательной серьёзностью, на которую способны только дети.

— Папочка, — сонно бормочет она, но любопытство берёт верх. — Почему ты всегда меня укладываешь?

Я замираю с одеялом в руках. Хороший вопрос. Ответа на него у меня, по сути, нет. Вернее, есть, но правду сказать не могу. Не рассказывать же дочери, что её мама — «продвинутый духовный практик», для которого прямой эфир с подписчиками важнее вечернего поцелуя.

— Мама занята, принцесса, — говорю мягко, поправляя край простыни. — У неё много работы.

Ева хмурит светлые бровки.

— Но ты же тоже много аботаешь, — выделяет она слово «тоже», копируя мою интонацию. Это выходит так уморительно, что я едва сдерживаю улыбку. — Ты всегда меня укладываешь. А мама… мама только иногда.

Сажусь на край кровати, провожу ладонью по её тёплой макушке.

— Понимаешь, малыш, у мамы сейчас очень важное дело. Она не может отвлечься. А я могу. И для меня это самое лучшее время дня.

— Павда? — Ева поднимает на меня глаза, в которых уже начинает таять сонливость.

— Честно-пречестно, — киваю я и наклоняюсь, чтобы поцеловать её в лоб.

Кожа пахнет детским шампунем и чем-то безмерно родным — от этого сердце сжимается.

Ева довольно вздыхает, зарываясь носом в подушку. Осторожно укрываю её, заправляя края, хотя знаю: через пять минут одеяло окажется у её ног. Поправляю ночник, делаю свет ещё тише.

— Спи, моя хорошая.

— Папа… — слышу сонный шёпот, когда уже встаю. — А завта ты меня тоже уложишь?

Оборачиваюсь. Ева почти спит, глазки прикрыты, ресницы подрагивают. Одеяло откинуто, в руке зажата лапа плюшевого медведя.

— Обязательно, — тихо обещаю. — Каждый день.

Выхожу из детской, прикрываю дверь.

Беру ноутбук, падаю на диван, закинув ноги на журнальный столик. Надо работать. Сметы, расходы, отчёты. Может, цифры помогут переключиться. Но цифры плывут. Перед глазами — Варя, её слова «…мой жених», и сам этот белобрысый тип.

Из кабинета доносится приглушённый голос Оксаны. У неё прямой эфир. Она в своей стихии. А я сижу здесь и пытаюсь понять, как жить дальше.

Встреча с Варей меня попросту размазала. Думал, поговорю — и отпустит. Увижу, что она счастлива с другим, и смирюсь.

Хрен там! Стало только хуже. В сто раз хуже.

«Бери себя в руки, братан, —

приказываю себе, захлопывая ноутбук. —

Так не пойдёт. Ты взрослый мужик, а ведёшь себя, как сопливый пацан».

А может, дело вовсе не в Варе? Может, это просто воздержание? Мы с Оксаной не спим уже месяц, если не больше. Обычный биологический фактор.

Логично же! Организм требует разрядки, а мозг проецирует это на ту, что когда-то значила куда больше, чем просто секс. Если пересплю с женой, то всё встанет на свои места. Гормоны успокоятся, иллюзии развеются, и я снова буду чётко видеть реальность: я женат, у меня дочь, а Варя — просто педагог по развитию, у которой, к тому же, есть жених.

Решено.

Откладываю ноутбук и иду в спальню.

Застаю Оксану перед трюмо. Она в лёгкой шёлковой сорочке, струящейся по фигуре. Фигура у неё, чего уж греха таить, хорошая. Всё на месте, скроенная йогой и детокс-диетами. Она наносит крем, аккуратно вбивая его подушечками пальцев, потом проводит расчёской по волосам, бросая на меня короткий взгляд через зеркало.

Ложусь на кровать, кладу руки под голову, наблюдаю. Стараюсь поймать нужное настроение, включить желание. В конце концов, это моя жена. Красивая женщина. Почему я должен испытывать к ней безразличие? Надо просто попробовать.

Она заканчивает ритуалы, гасит свет в ванной и ложится рядом. Поворачивается ко мне спиной, утыкается в телефон.

Придвигаюсь ближе, касаюсь губами её плеча.

— Оксан, — шепчу хрипловато. — Иди ко мне.

Она напрягается. Не поворачиваясь, говорит:

— Арсений, не надо. У меня месячные.

Вот так просто. Без сожаления, без намёка на взаимность. Просто отсекает.

Но меня уже несёт. Чувствую, что если остановлюсь сейчас, то этот комок тоски и ревности разорвёт меня изнутри.

— Ну есть же другие способы, — говорю, стараясь, чтобы голос звучал игриво, хотя внутри всё кипит. — Альтернативные.

Она резко поворачивается и садится на кровати. Смотрит на меня сверху вниз, и в полумраке её глаза кажутся чужими, колючими.

— Знаешь что, Загорский? — шепчет с раздражением, и это действует как пощёчина. — У тебя что, сперматоксикоз? Тебе некуда излить своё желание?

Я замираю, ошарашенный не столько отказом, сколько этой внезапной циничной похабщиной, столь не свойственной её слащавому «духовному» жаргону. Она так могла выражаться в универе, но сейчас…

— Оксана, — усмехаюсь я, пытаясь перевести всё в шутку. — Ты чего? Ты же у нас просветлённая — и такие слова? Фу, — наигранно морщусь.

— А ты не доводи, — отрезает она, отворачиваясь и снова падая на подушку.

Чувствую, что если сейчас замолчу — проиграю окончательно. Себе в первую очередь. Поэтому накрываю рукой её бедро, чуть сжимаю.

— Зачем мне куда-то идти, Окс? — спрашиваю тихо, почти серьёзно. — Если у меня есть жена.

Она пытается убрать мою руку.

— Ничего не знаю, Загорский. Тебе сегодня ничего не светит. Я устала. И я не обязана быть твоим способом «разрядки».

Всё. Точка. Оксана откладывает телефон, гасит ночник и демонстративно устраивает голову на подушке.

Я лежу на спине, глядя в потолок, и меня накрывает ледяной волной. Не от обиды на неё. От осознания собственной глупости. Я так хотел убедить себя, что всё дело в сексе, что стоит удовлетворить инстинкт — и Варя исчезнет из головы.

Но даже если бы Оксана согласилась, даже если бы у нас сейчас был самый страстный секс — ничего бы не изменилось. Стало бы только хуже. Потому что я бы понял: пытаюсь заменить ею ту, которую забыть не смог.

И это понимание хуже любого отказа.

Закрываю глаза и снова вижу Варю. Как она выходит из центра, вдыхает воздух после дождя. Как смотрит на меня — испуганно и дерзко одновременно. Как садится в машину к тому белобрысому.

И впервые за долгое время не могу уснуть.

Глава 12. Варя

Я жутко опаздываю на встречу с подругами. Утро выдалось суматошным. Сначала я не могла найти ключи от квартиры — Артём, как всегда, положил их «на место». Потом выяснилось, что у любимой сумки порвался ремешок, и пришлось срочно искать замену. Наконец выскочив из дома, я с ужасом поняла, что забыла нанести блеск для губ, и сделала это уже в лифте.

Кафе, куда я спешу, открылось недавно. Вчера, получив от Гели адрес, я загуглила его и с лёгкостью нашла на карте.

Толкнув тяжелую стеклянную дверь, я шагаю внутрь и на секунду замираю в проеме, привыкая к приглушенному свету после слепящего уличного солнца.

Здесь уютно. Очень.

Просторное помещение, мягкий свет, спокойные тона пыльного шалфея. Акцентом служит кирпичная кладка, искусственно состаренная легкими мазками белой краски. Грубоватую фактуру дополняют строгие черно-белые фотографии в тонких рамках.

Я скольжу взглядом по залу, выискивая знакомые лица.

— Варя! Ва-арь! Мы здесь! — раздается слева, и я замечаю Гелю — она отчаянно машет рукой.

Девчонки сидят в дальнем углу за столиком у окна. Место и правда идеальное: от входа его не сразу заметишь — мешает небольшая колонна, стилизованная под общий дизайн. Зато оттуда открывается отличный обзор на все кафе.

Улыбаюсь и иду к ним, лавируя между столиками.

— Ну наконец-то! — Геля вскакивает, едва я приближаюсь, и заключает меня в объятия. От нее пахнет привычными сладкими духами с ноткой карамели. — Мы уж думали, ты передумала! Вер, скажи?

— Не выдумывай. — Вера поднимается следом, чмокает меня в щеку и окидывает оценивающим взглядом. — В пятнадцать минут уложилась, так что считай не опоздала. Выглядишь прекрасно.

— Спасибо, — опускаюсь на стул. Он очень удобный, с мягкой бархатистой обивкой цвета темной вишни. — Я так соскучилась! Как вы вообще?

— Ой, да что мы! — отмахивается Геля и двигает ко мне меню. — Выбирай скорее. Тут такие десерты! Я уже заказала «Марципановый рай»— это их фишка.

Пробегаюсь глазами по строчкам. Паста, ризотто, супы, огромный раздел с завтраками и целая страница десертов.

В итоге беру цезарь с креветками, капучино и, следуя рекомендации, фирменный десерт.

— Ну, рассказывай, — нетерпеливо говорит Геля, едва официант отходит. — Ты же говорила, есть новости. — Она многозначительно поглядывает на мою руку. — Это то, о чём я думаю?

Возникает щемящее чувство нежности к Артему и вины перед подругами. Я правда давно их не видела. И мне действительно есть что рассказать.

— Смотря о чём ты думаешь, — пытаюсь пошутить, но выходит не очень. Я-то прекрасно понимаю, о чём говорит Геля. — Артём сделал мне предложение. Девочки, я выхожу замуж!

— Офигеть! Отличная новость! — Геля даже привстаёт, хватает мою ладонь и подносит к своим глазам. — Ну ничего себе! Какое красивое! — продолжает нахваливать. — И молчала… А подробности будут?

— Да не так много времени прошло, — смущённо улыбаюсь, убирая руку. — Всё было очень романтично. В общем, всё серьёзно.

— Давно пора. Рада за вас!

Вера улыбается осторожно, по-своему, глядя чуть сбоку:

— Ты счастлива?

Я не задумываюсь ни на секунду:

— Да.

В воздухе повисает пауза, будто от недосказанности. Официантка гремит посудой, кто-то за соседним столиком громко смеётся, бариста у стойки колдует над кофемашиной.

— Он хороший, — тихо говорит Вера. — Он тебя любит. Это видно.

— Любит, — просто отвечаю я. — И я это чувствую. Каждый день.

Хотя почему-то кажется, что моя уверенность больше похожа на самовнушение. Подозрительный взгляд Гели с прищуром говорит об этом. Она знает меня как облупленную. И, возможно, это ощущение «правильности» сейчас сильнее, чем голос сердца.

Мы возвращаемся к еде. Геля с новым энтузиазмом принимается решать, какой сыр сейчас намазать на тост. Вера аккуратно размешивает сахар в уже остывшем капучино.

И вдруг, будто между делом, Геля произносит:

— А что с Загорским?

Вера резко вскидывает глаза, отрываясь от содержимого тарелки, перестаёт жевать. Смотрит то на меня, то на Гелю. В её взгляде мелькает что-то похожее на досаду.

— Тот самый Арсений, что ли? — хмурясь переспрашивает она. — И с чего ты вообще вспомнила это имя? Столько лет не вспоминали.

Меня бросает в пот от беспокойства. Медлю секунду.

— А что с ним? — стараюсь звучать естественно. — Загорский там, где и был — в своём мире. Его появление ничего не меняет. Он просто отец моей воспитанницы. И всё.

Геля смотрит на меня с прищуром, изучающе.

— Точно?

— Конечно. Абсолютно.

— Варя… — не унимается подруга, пытливо глядя мне в лицо.

— Какие могут быть сомнения? — я чуть улыбаюсь, пытаясь разрядить обстановку. — Не смотри на меня так. Я что, похожа на дурочку, которая не знает, чего хочет?

— Нет, конечно… Но…

Я останавливаю её взглядом, возвращаюсь к еде, давая понять, что разговора не будет.

Геля притихает, но ненадолго:

— Поползновения с его стороны были?

Я вздыхаю, откидывая волосы назад.

— Были. Хотел поговорить. Кофе попить.

— Кофе ему? — Геля фыркает. — Кофе ему разве что на голову вылить. С горячим, чтоб неповадно было. А так — ну нафиг его. У тебя своя жизнь.

Я смеюсь, но смех получается тонким и немного нервным:

— Тема закрыта, девочки. Давно.

И в этот самый момент над входной дверью кафе звенит колокольчик. Мне кажется, что нарочито звонко. Раньше я не реагировала на этот звук. Но сейчас машинально поднимаю глаза — и внутри будто что-то резко проваливается в пустоту.

Арсений. С Оксаной. И с Евой.

Они входят, осматриваются. Арсений держит дочь за руку, Оксана идёт чуть сзади, поправляя сумку на плече. Проходят вглубь зала и садятся за столик возле прозрачной перегородки, за которой виднеется детская комната.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.